

Давным-давно, во время того самого дворцового переворота, участников было совсем немного, и знали о нём лишь единицы. Нынешний император вышел из той смуты победителем, в то время как остальные принцы и ваны либо слегли с болезнями, либо погибли. Седьмой ван, на которого возлагали большие надежды, стал главным виновником переворота: по приказу покойного императора его лишили всех титулов и званий, низвели до простолюдина, а в конечном итоге он всё равно не избежал смерти.

Он закончил свои дни в полном одиночестве в застенках, а его потомки навсегда остались простолюдинами, лишёнными права сдавать государственные экзамены и занимать чиновничьи должности.

Увы, ныне государством правит тот самый Второй принц.

За время правления Императора Цзинь к нему не было особых претензий, но и великих свершений за ним не числилось — всё шло своим чередом, без резких движений. И именно эта размеренность больше всего угнетала.

Ди Фэн тяжело вздохнул, и на мгновение ему показалось, что он постарел сразу на десять лет. Он оберегал эту страну почти тридцать лет, неужели теперь, на склоне лет, ему снова придётся выйти на поле боя?

— Эх...

— Государство Цзинь зашло слишком далеко, как они могли так с нами...

— Тише! Ты хочешь, чтобы все вокруг узнали, кто мы такие?

— Но...

Всего в нескольких метрах от Ди Фэна стояли двое мужчин в полном боевом облачении. На них были широкополые шляпы с вуалями — они явно опасались, что их кто-то узнает.

Один был выше, другой ниже. Низкорослый, сжимая кулаки от праведного гнева, с трудом сдерживал слёзы, которые блестели в его глазах под вуалью. Он не отрываясь смотрел на отрубленную голову, подвешенную над крепостной стеной: под палящим солнцем и ветрами она уже начала иссыхать.

— Настанет день, — прошипел низкорослый сквозь зубы, — и я отрублю голову Императору Цзинь и прикажу повесить её на стене нашего главного города Цзиньцян, чтобы они сполна ответили за это унижение!

Высокий огляделся по сторонам. Убедившись, что никто не обращает на них внимания, он промолчал, но в глубине его глаз, устремлённых на голову, сверкнул холодный блеск.

Император Цзинь унизил народ цзиньцянь, но разве сами цзиньцянь были святыми? Они были такими же жестокими и коварными: подставили собственного сородича, чтобы руками Императора Цзинь избавиться от неугодного.

Перед отъездом он предупреждал вана, чтобы тот был осторожен, но всё вышло иначе — тот сам угодил в ловушку и лишился жизни.

Высокий мужчина печально смотрел на отрубленную голову. После случившегося его и без того колеблющаяся верность окончательно растаяла. Если в императорском доме так обращаются с братьями, то что уж говорить о подчинённых?

Лучше воспользоваться случаем, инсценировать собственную смерть и сбежать, пока есть хоть какой-то шанс выжить.

Подумав об этом, он бросил быстрый взгляд на своего спутника и принял окончательное решение.

Император Цзинь быстрым шагом направлялся вглубь дворца. Как только чиновники скрылись из виду, его походка, до этого казавшаяся слегка неуверенной, замедлилась. Он взмахнул рукой, приказывая слугам и евнухам удалиться — в их присутствии он больше не нуждался.

Длинная процессия послушно поклонилась.

— Слушаемся, — ответили они и один за другим вышли прочь. Вскоре в огромном саду остался только Император Цзинь.

Он осмотрелся, убедившись, что никого нет, и его угрюмое, тяжёлое выражение лица мгновенно сменилось беззаботным. Шаги стали лёгкими, почти пружинистыми. Пройдя через сад к искусственным горам, он скрылся в неприметном проходе у их подножия.

Не успел он сделать и пары шагов, как навстречу ему выскочила тонкая фигурка. Девушка схватила его за руку и, ластясь, проговорила:

— Отец, почему вы так долго? Я жду уже целую вечность, здесь ужасно холодно.

— Что за разговоры про «вечность»? Не говори таких зловещих слов, — Император Цзинь нахмурился и погрозил пальцем.

Хотя внешне он выглядел грозно, для Принцессы Фукан он был лишь бумажным тигром. Она ничуть не испугалась и, прислонившись головой к его плечу, засюсюкала:

— Отец, ну когда я уже смогу выйти отсюда?

— Скоро, совсем скоро.

Император Цзинь с нежностью погладил её по волосам:

— Ты — моё самое дорогое сокровище, конечно, я не хочу, чтобы ты страдала. Сегодня вечером придёт Евнух Чэнь, и ты уйдёшь с ним. Я уже всё подготовил. Тебе нужно лишь немного потерпеть в укрытии, а потом ты сможешь открыто вернуться.

— Правда? Отец, вы так добры ко мне!

Принцесса Фукан радостно захлопала в ладоши, закружилась вокруг императора, а затем с сомнением спросила:

— Но, отец, а кто такой этот Евнух Чэнь? Кажется, главного евнуха при вас зовут совсем иначе?

При услышанном в глазах Императора Цзинь мелькнул острый блеск. Он холодно усмехнулся и наставительно произнёс:

— Послушай меня, дитя моё. Запомни: как только покинешь дворец, действуй решительно, устраняй любые препятствия. Никто не должен знать, где ты скрываешься, и никто не должен знать, что ты жива.

— Вы имеете в виду... — Принцесса Фукан запнулась, глядя, как отец медленно провёл большим пальцем по горлу. Она тут же кивнула, приняв серьёзный вид: — Я поняла, отец.

— Вот и хорошо. Жди здесь, а мне пора навестить твою мать.

— Хорошо, идите скорее, отец. Успокойте её и передайте, что у меня всё хорошо.

Ди Ло застыла на месте, не двигаясь. Несмотря на то что всё тело горело от боли, она молчала, уставившись в землю и погрузившись в свои мысли.

— Сяо Ло, о чём задумалась? — Ди Цзю помахал рукой перед её лицом. Увидев, что она смотрит в пустоту, он слегка подтолкнул её: — Ты так глубоко ушла в себя, что даже не слышишь, как я тебя зову.

Ди Ло очнулась, вздрогнув. Она вдруг поняла, что стоит в одной позе уже почти две палочки благовоний — время вышло. Её ноющие ноги налились свинцом, она едва могла пошевелиться.

Ди Цзю, видя, как она покачивается, словно зайчонок, сжавшись и дрожа, потянул её за собой. Ди Ло с глухим стуком села на землю и, морщась, принялась растирать икры. Её выражение лица было таким выразительным и в то же время изящным, что Ди Цзю невольно залюбовался.

Он снова подумал о том, насколько утончённо выглядит этот парнишка. Кожа белая, нежная, обманчиво хрупкая. Даже под палящим осенним солнцем он не загорел, а словно стал ещё белее, что делало его чёрные, как смоль, глаза особенно яркими и живыми.

Из-за возросших нагрузок щёки Ди Ло, на которых раньше был детский пух, заметно впали. Лицо стало совсем крошечным, но от этого — ещё более решительным.

— Сяо Ло, ты в последнее время постоянно витаешь в облаках. Расскажешь, что у тебя на уме?

С тех пор как пару дней назад он рассказал ей, что посланника государства Цзиньцян казнили, а их правители требуют от Великой Цзинь объяснений, грозя войной, Ди Ло стала сама не своя. На тренировках она постоянно ошибалась, и Ди Цзю даже пару раз стегнул её ивовым прутом, но она словно перестала чувствовать боль.

Увидев, что на теле мальчишки живого места не осталось от его ударов, Ди Цзю решил сменить гнев на милость и перейти к мягким методам. В конце концов, паренёк был совсем юн, наверняка просто испугался войны.

— Я не боюсь, — Ди Ло с каменным лицом покачала головой, мельком взглянула на Ди Цзю, а затем откинулась назад, легла на землю и тяжело вздохнула, закрыв глаза.

Ди Цзю в недоумении смотрел на неё, не зная, что сказать. К счастью, гнетущая тишина продлилась недолго.

— Ди Цзю, как ты думаешь, почему Император Цзинь приказал казнить посланника? — Ди Ло больше не хотела называть его «Императором», она ненавидела его всей душой, поэтому выбрала нейтральное обращение.

Ди Цзю странно посмотрел на неё, но промолчал и ответил:

— Ты же знаешь, его любимая принцесса была отправлена на брак с цзиньцзянцами, но её казнили и выставили напоказ. Похоже, он просто в ярости и решил отомстить за дочь.

— Вот как? — тихо обронила Ди Ло.

В груди кольнуло. Она давно научилась скрывать свои чувства, но, услышав, как посторонние

люди говорят о том, что принцесса даже не успела завершить свадебный обряд, прежде чем её убили, она невольно стиснула зубы. Руки, спрятанные в рукавах, сжались в кулаки так сильно, что костяшки побелели, а ногти впились в ладони, но она этого не чувствовала.

Если императорская дочь была казнена в ночь свадьбы, но при этом она даже не выходила замуж, а вместо неё отправили двойника — значит, он с самого начала знал, что цзиньцяньцы замышляют недоброе.

Когда Ди Ло только прибыла в Цюгочэн, она слышала, как горожане болтали, что делегация из Цзиньцяня прожила в Цзинду больше полугода, прежде чем Император Цзинь соизволил дать согласие на брак. Значит, ещё полгода назад он обдумывал, как развязать войну, или даже раньше. И чтобы не запятнать свою репутацию, он придумал такой план.

— Хорошо же он всё рассчитал, — прошептала она.

С момента нападения на её дом прошёл почти год. Значит, он вынашивал этот план уже очень давно. Искать по всей стране девушку, похожую на принцессу — на это ушло немало времени.

Ди Ло бормотала что-то себе под нос. Ди Цзю не расслышал:

— Что ты сказала?

— Ничего, — ответила она.

Она просто видела насквозь мысли тех, кто стоял у власти. Им нужно было расширить границы, но не было достойного повода. А тут как раз народ Цзиньцянь засуетился, желая показать свою мощь. Они идеально подошли друг другу, достигнув молчаливого согласия. Истинные единомышленники — даже на расстоянии в тысячи ли угадывают мысли друг друга. Неудивительно, что они стали врагами.

Как говорится, лучше всего тебя знает твой враг.

Но если Император Цзинь не хотел выдавать дочь, он мог найти другой повод для войны. Зачем нужно было искать двойника? Твоя дочь — дочь, а моя сестра — не человек? Или принцесса — золото, а мы, простые люди, — пыль?

Всё сводилось к тому, что сильные мира сего привыкли презирать жизни обычных людей. А способ с «брачным союзом» оказался простым, грубым и чертовски эффективным.

— О чём ты столько думаешь? Если начнётся война, просто бей — вот и всё! Вспомни, зачем ты сюда пришла!

Ди Ло как раз сжимала кулаки от негодования, когда Ди Цзю отвесил ей звонкую оплеуху по лбу. Не сильно, но след остался.

Увидев красный отпечаток на её лбу, Ди Цзю, привыкший к простоте и грубости, вдруг растерялся. Он заморгал и начал оправдываться:

— У тебя кожа такая нежная, я же еле коснулся! Ты просто придираешься.

Помолчав, он добавил:

— И ещё, я уже говорил: не называй меня по имени. Я старше, зови меня братом. Что за невоспитанный ребёнок!

Чем громче он кричал, тем более неуверенно себя чувствовал. Раньше, с другими поделниками, он никогда не испытывал ничего подобного, никогда не жалел никого. Но почему сейчас, глядя на Ди Ло, он чувствовал тревогу и вину?

Может, потому что глаза этого мальчишки светятся слишком ярко? Или он действительно выделяет его среди остальных? Как бы то ни было, на душе было беспокойно.

Ди Ло молча наблюдала, как Ди Цзю мечется, словно разъярённая обезьяна — впрочем, даже если и обезьяна, то самая симпатичная. Она закусила губу, чтобы не улыбнуться, опустила голову, ещё пару раз нажала на икры, а затем встала и с фальшивой улыбкой посмотрела на него:

— Слово «брат» для меня под запретом. Буду звать тебя Учителем. Ты учишь меня боевым искусствам, учишь выживать на поле боя — твой долг передо мной огромен. Когда я закончу то, ради чего пришла, я отплачу тебе.

— И раз уж «однажды учитель — на всю жизнь отец», отныне ты будешь моим приёмным отцом. Когда состаришься, я буду заботиться о тебе до самого конца.

— Пфф!!!

Ди Цзю едва не выплюнул кровь. Это была самая жуткая шутка, которую он слышал за свои двадцать с небольшим лет.

— Приёмным... отцом?

У меня отродясь не было такого взрослого сына! Да и кто просил меня хоронить?! Даже если есть разница в возрасте, не такая же огромная! Когда я состарюсь, ты, видимо, будешь вечно молодым? Ты меня содержать собираешься? Не потянешь!

— Стоп, почему мы вообще об этом говорим?!

Ди Цзю смотрел на удаляющуюся спину Ди Ло, и его «дреды» словно встали дыбом от ярости. Никогда он не видел никого, кто мог бы так его разозлить. Это что, намёк на то, что он старый? Я старый?! Да я в самом расцвете сил!

Слова Ди Цзю словно стали пророческими: в последние дни тренировки в лагере стали куда интенсивнее, даже время на свободные занятия сократили.

Цинь Цзыши стал ещё более раздражительным и суровым. Он хотел вбить в головы этих недотёп все навыки выживания, которые сам выстрадал на полях сражений. Если они не смогут совершить подвиги, то хотя бы не умрут позорной смертью — ему не хотелось краснеть за своих подчинённых.

К сожалению, отряд был неоднородным: кто-то схватывал на лету, а у кого-то в голове была сплошная пустота. Цинь Цзыши был в отчаянии.

Но больше всего его удивляло, что мальчишка, который всегда плёлся в хвосте, оказался самым способным. Он до совершенства отточил и навыки убийства, и технику выживания.

Впрочем, если подумать, его же учил тот безумец из Центральной армии. Если бы он не освоил даже эти азы, то на поле боя был бы покойником.

Интересно только, сможет ли этот худенький мальчишка переступить через себя, когда придётся убивать людей?

При мысли о грядущей войне в глазах Цинь Цзыши отразилась глубокая задумчивость.

Наконец, день, когда война разразилась в полную силу, настал.

В то утро Ди Ло проснулась и потянулась к пологу, чтобы встать и умыться. Стоило ей приоткрыть полог, как холодный ветер с морозным дыханием ворвался внутрь. Она чихнула, вздрогнула и, обхватив себя руками, с тревогой взглянула на небо.

— Погода меняется так быстро... Неужели пойдёт снег? — пробормотала она.

Незаметно пролетело три месяца с тех пор, как она дрожала от страха в этом лагере. К счастью, никто не догадался, что она женщина — она и сама почти забыла об этом.

Она выдохнула, и в морозном воздухе за клубился пар. Сзади слышался кашель, и Ли

Аньшань раздражённо бросил:

— Чего встала в дверях? Выходишь или нет?

Ди Ло обернулась и закатила глаза. Этот тип после того, как подсмотрел за их тренировками с Ди Цзю, словно с цепи сорвался. Он каждый день ходил сонный, как пёс, но упрямо вставал вместе с ней. Она до сих пор не могла понять, как он умудряется просыпаться в ту же секунду, что и она, ведь по ночам он храпел так, что стены дрожали, и даже пинки не помогали.

Покачав головой, она вышла наружу, Ли Аньшань покорно последовал за ней.

Они, как обычно, присели с разных сторон, опустив руки в таз с ледяной водой. Вода, только что поднятая из колодца, была такой холодной, что пробирала до костей. Ди Ло вздрогнула, почувствовав, как холод пробежал от макушки до пяток. Сон как рукой сняло. Она потеряла лицо, смирившись с неизбежным, и окончательно проснулась.

В этот момент на плацу раздался пронзительный звук гонга — резкий и частый. Ди Ло и Ли Аньшань замерли, переглянувшись. В глазах каждого читалось одно: «Началось».

Бросив тазы, они со всех ног помчались на плац. Встали на свои места, и вскоре вокруг них уже выстроились остальные.

Благодаря строгим требованиям Цинь Цзыши, тренировавшего их собираться в кратчайшие сроки, весь отряд был готов через мгновение.

Переключка, проверка — и без единой заминки они двинулись в путь.

Ди Ло замерла на секунду, коснулась рукояти меча на поясе. Сердце колотилось, как бешеное. Она ждала этого дня так долго.

Напряжение было невыносимым.

Они бежали к конюшням. Говорили, что цзиньцзяньцы наконец перешли черту и вторглись в их земли. Дозорные доложили, и война официально началась.

Вскочив в седло, Ди Ло сжала поводья. Она стиснула зубы: в этот раз она должна выстоять. Она должна победить.

В её сознании было лишь одно слово — победа. Проигрыш был невозможен.

Войско ворвалось в гущу событий, словно острый клинок, вонзившийся в ряды цзиньцзянцев.

Две толпы, облачённые в разные одежды, столкнулись в яростной схватке. Враги, чьи глаза пылали ненавистью, сошлись в бою. Оглушительный рёв и крики заполнили всё вокруг, заставляя уши звенеть.

Ди Ло думала, что, увидев своих врагов, без раздумий бросится в бой, но, когда дошло до дела, ноги стали ватными. Все наставления Ди Цзю, которые она впитывала два месяца, мгновенно вылетели из головы. Перед глазами стояло только одно: алое, кровавое месиво.

Это были люди. Живые люди. Как она могла поднять на них руку? Это же не куры, не утки и не свиньи.

<http://bllate.org/book/20963/2127247>